

Духовная цензура въ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка (1799—1855).

Духовно-цензурный надзоръ за книгопечатаніемъ въ Россіи получилъ опредѣленную, по крайней мѣрѣ постоянную, организацію лишь на рубежѣ XVIII и XIX столѣтія. Въ 1799 году была учреждена такъ называемая московская духовная цензура, которую замѣнили въ послѣдствіи дѣйствующіе донынѣ духовно-цензурные комитеты.—Имѣя здѣсь въ виду представить историческій очеркъ положенія духовно-цензурнаго дѣла въ періодъ его организаціи, мы и отправляемся отъ указанной даты. И лишь въ силу того, что на первоначальный типъ организованнаго надзора оказали несомнѣнное вліяніе частныя попытки XVIII вѣка, коснемся раньше послѣднихъ и подведемъ итоги предшествовавшему періоду.

I.

Со времени учрежденія Синода, ему было ввѣрено наблюденіе за чистотою „богословскихъ писемъ, богослужебныхъ и другихъ церковныхъ книгъ. Аще кто о чемъ богословское письмо сочинитъ, говоритъ Духовный Регламентъ, и то не печатать, но первѣе презентовать въ Коллегіумъ, а Коллегіуму разсмотрѣть должно, нѣтъ ли какового въ томъ письмѣ погрѣшенія, ученію православному противнаго“¹⁾. Вѣднію Синода тогда же были подчинены существовавшія въ разныхъ мѣстахъ при духовныхъ учрежденіяхъ типографіи въ видахъ, между прочимъ, уничтоженія „ненправъ“.

¹⁾ Ч. III, п. 3.

Преемники Петра В. держались принципа Регламента, убѣждали Синодъ „содержать въ добромъ порядкѣ и благочестіи духовныхъ, также типографіи“ ¹⁾ и заботиться о напечатаніи книгъ, которыя бы согласны были съ церковными преданіями. Кромѣ того, они иногда подчеркивали долгъ Сивода, какъ верховнаго блюстителя вѣры и нравственности, имѣть надзоръ вообще за литературой. И Синодъ дѣйствительно не отказывался при случаѣ отъ роли верховнаго судіи по вопросамъ астрономическимъ, историческимъ и политическимъ, исключая, напр., все, трактующее о множествѣ міровъ, о коперниковской системѣ и склонное къ натурализму ²⁾.

Но такое расширеніе сферы надзора и увеличеніе числа книгъ, требующихъ „апробаціи“, довольно скоро начало тяготить членовъ Синода, и побудило ихъ въ срединѣ XVIII вѣка ходатайствовать предъ высочайшей властью объ учрежденіи особой „переводческой конторы съ искусными и вѣроятія достойными цензорами“. Можно, впрочемъ, сказать, что высшая духовная власть,—за все то время, когда просвѣщеніе насаждалось свыше,—уже привыкла имѣть при себѣ отдѣльныхъ лицъ или цѣлыя корпораціи довѣренныхъ справщиковъ и переводчиковъ. Состоя при печатномъ дворѣ, они трудились главнымъ образомъ въ своей специальной церковно-богословской области. Лишь Петръ В. посягнулъ на обособленное положеніе типографскихъ дѣятелей, поручая протектору синодальной типографіи переводить и издавать на славянскомъ языкѣ римско-католическіе, лютеранскіе и кальвинскіе катехизисы и богослужебныя книги и книги чисто свѣтскаго содержанія ³⁾.

Указомъ же Петра III, существовавшія при Синодѣ и Александро-невскомъ монастырѣ типографіи переводились со всѣми инструментами въ Москву. Этой московской синодальной типографіи было поручено „печатать однѣ церковныя книги, какъ издревле бывало въ одномъ мѣстѣ подѣ вѣдѣніемъ синодскимъ“ ⁴⁾. Оставалось сдѣлать еще шагъ и,

¹⁾ П. С. Зак., т. VII, 4. 919, 12 іюля 1726 г.

²⁾ Арх. Св. С. 1743, 27 іюля; 1755, 19 авг.

³⁾ Полн. собр. пост. и расп. по вѣд. пр. исп., т. III, 976 и 1023.

⁴⁾ Полн. С. Зак., т. VII, 5175.

образовавъ по возможности на старомъ мѣстѣ ученую корпорацію, вручить ей дѣло завѣдыванія спеціальной богословской литературой. Синодъ и попытался осуществить этотъ планъ въ упомянутомъ докладѣ 1756 г. Мотивировка его разнообразна и довольно характерна. Здѣсь и ссылка на всѣ указы, ввѣрившіе цензуру Синоду и жалоба по поводу множества непереведенныхъ, полезныхъ для церкви книгъ. И хотя, распространяется докладъ, переводъ этихъ книгъ и могъ бы быть порученъ Синодомъ искуснымъ мужамъ, но въ освидѣтельствovanіи переводовъ можетъ встрѣтиться главное затрудненіе, „ибо Высочайшимъ указомъ, всѣ печатныя въ Россіи, принадлежащія до церкви и до церковнаго ученія книги печатать съ апробаціи повелѣно“. А синодальные члены заняты какъ синодальнымъ, многого труда требующимъ, такъ и сверхъ того собственно епархіальнымъ и монастырскимъ правленіемъ; имъ, поэтому къ разсмотрѣнію таковыхъ переводовъ и времени конечно не достанетъ, а безъ освидѣтствованія синодальнаго печатать нельзя. Между тѣмъ, „не безъ извѣстно что въ прочихъ, европейскихъ государствахъ, для свидѣтельства ново-переведенныхъ книгъ имѣются особливые достойные и въ ученіи достаточные цензоры, за свидѣтельствомъ коихъ и переводимыя книги печатаются. Итакъ, за необходимо и нынѣ Синодъ разсуждаетъ учредить при Синодѣ переводческую контору, въ которую бы для переводу книгъ, каковыя Синодомъ опредѣлены будутъ, опредѣлять особливыхъ переводчиковъ и къ свидѣтельству переводовъ, тако же и упомянутыхъ въ Духовномъ Регламентѣ богословскихъ писемъ, если таковыя отъ кого объявлены будутъ,—искусныхъ и вѣроятія достойныхъ цензоровъ, за свидѣтельствомъ, которыхъ оныя и печати предавать“¹⁾.

Высочайшаго утвержденія этотъ докладъ почему-то не получилъ и Синодъ въ 1760 году даже рѣшился было безъ новаго доклада государынѣ приступить къ фактическому учрежденію переводческой конторы. Но выясненія ея деталей было и теперь отложено. Кажется трудно было даже духовной власти рѣшить, гдѣ удобнѣе находится конторѣ, связанной одновременно и съ Синодомъ и съ московской ти-

¹⁾ Дѣло Архива Св. Синода 1745, № 1.

пографіей. Во всякомъ случаѣ идея особаго центрального учрежденія, съ учеными, цензурными и издательскими задачами, не была осуществлена до начала царствованія Екатерины II.

Тѣмъ менѣе было возможности создать что либо подобное въ наступившее царствованіе, съ общимъ ослабленіемъ цензурнаго надзора и съ полной его децентрализацией. Съ дозволеніемъ учреждать явочнымъ порядкомъ частныя типографіи, цензура печатаемаго въ нихъ была предоставлена мѣстнымъ управамъ благочинія. Именно онѣ обязаны были отдаваемыя въ печать книги „свидѣтельствовать и, ежели что въ нихъ явится противное законамъ Божіимъ и гражданскимъ или же клонящееся къ явнымъ соблазнамъ, запрещать ¹⁾. Недовѣріе къ подобнымъ судьямъ заставляло Синодъ неоднократно испрашивать именныя указы, подтверждавшіе старый порядокъ разсмотрѣнія „богословскихъ писемъ“, равно какъ и привиллегіи синодальныхъ типографій. Однако, и Синодъ слѣдуя за временемъ, долженъ былъ раздроблять духовно-цензурный надзоръ и ослаблять его интенсивность. Цензурныя полномочія были официально предоставлены еще синодальной конторѣ, московскому и петербургскому митрополитамъ, а фактически духовнымъ особамъ изъ академій, или избраннымъ „ученымъ и просвѣщеннымъ архимандритамъ“, единоличныя подписи которыхъ можно, напримѣръ видѣть на многихъ изданіяхъ Новикова ²⁾.

Реакція послѣдняго десятилѣтія екатерининскаго царствованія обратила, особенное вниманіе на должное охраненіе „книгъ церковныхъ, или къ Св. Писанію вѣрѣ, либо толкованію закона и святости относящихся“ ³⁾. Никому не было дозволено издавать ихъ помимо синодальныхъ типографій, изданныя же ранѣе предписывалось отбирать при посредствѣ мѣстныхъ духовныхъ и гражданскихъ властей. Но самыя курьезы, которыми сопровождалось примѣненіе этихъ мѣръ ⁴⁾, ясно показывали, что, при существованіи частныхъ типографій, нужно было болѣе точное опредѣленіе того, что

¹⁾ П. С. Зак. XXI, 15. 634.

²⁾ Лонгиновъ. Новиковъ и Шварцъ, стр. 55—67, 2 изд.

³⁾ Указъ 1787 г. П. С. З., XXII, 16556.

⁴⁾ Скабичевскій. Очерки по исторіи русской цензуры.

именно понималось подъ терминами: книги касательныя закона, относящіяся къ вѣрѣ, святости и т. д.

Радикальная попытка „разрѣшенія“ этого вопроса (вмѣстѣ со многими другими) была сдѣлана лишь за мѣсяцъ до кончины императрицы, когда ея именнымъ указомъ 1796 г. были уничтожены почти всѣ частныя типографіи и учреждены смѣшанные цензурные комитеты. Въ каждомъ изъ нихъ наряду съ двумя свѣтскими цензорами должна была находиться и уполномоченная Синодомъ духовная особа. Очень возможно, что такое сліяніе съ свѣтскимъ духовно-цензурнаго надзора исчерпало бы все содержаніе послѣдняго, если бы не одно ограниченіе, еще раньше сдѣланное Синодомъ. Въ 1787 году онъ издалъ по своему вѣдомству слѣдующее предписаніе: „ежели кто изъ духовныхъ чиновъ пожелаетъ свои сочиненія и переводы напечатать, то епархіальные преосвященные и настоятели монастырей какъ собственныя свои, такъ и подчиненныхъ имъ лицъ сочиненія, по разсмотрѣніи оныхъ, представляли бы прежде на апробацію къ изданію ихъ въ печать въ духовныхъ типографіяхъ Св. Синоду или Московской онаго конторѣ, а безъ того какъ сами собою, такъ и посредствомъ другихъ для изданія въ печать никогда ни подъ какимъ видомъ не отдавали“ ¹⁾.

Этимъ распоряженіемъ, какъ видимъ, сочиненія и переводы всего духовнаго сословія подчинялись двойной цензурѣ—епархіальныхъ властей и синодальныхъ учреждений. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно становилось въ крѣпостную зависимость отъ станковъ духовныхъ типографій. При желаніи, это распоряженіе могло получить развитіе, въ смыслъ осуществленія устарѣвшаго проекта особой переводческой конторы съ цензурными полномочіями и издательскими функціями. Но во все екатерининское время проектъ этотъ оставался безъ движенія, по крайней мѣрѣ находился въ выжидательномъ положеніи. Журналомъ Синода въ 1775 году было опредѣлено: настоящее дѣло производствомъ остановить до вослѣдованія отъ комиссіи о составленіи новаго уложенія генеральнаго положенія о духовныхъ училищахъ и, въ виду сего, исключивъ изъ числа нерѣшенныхъ, сдать въ архивъ съ роспискою ²⁾. Изъ архива проектъ былъ извлеченъ и

¹⁾ Арх. Св. С., 1787, 15 сент. 44.

²⁾ Дѣло 1745 г. № 1.

„по дѣлу учинено исполненіе“ уже въ слѣдующее царствованіе, когда по типу переводческой конторы была основана московская духовная цензура.

Время, на которое падаетъ учрежденіе московской духовной цензуры,—время апогея реакціи XVIII вѣка, эпоха спасанія вѣры и престоловъ. И не было бы ничего удивительнаго, еслибы тогдашняя атмосфера, насыщенная дѣйствіями цензора Туманскаго и тонкими интригами патера Грубера, сразу оттѣнила великую роль новаго цензурнаго учрежденія, сообщила ему инквизиціонные уставы и секретныя инструкции, надѣлила его опытными исполнителями,—словомъ сразу и вполнѣ сдѣлала его выраженіемъ своего отрицательнаго духа.

Но, вопреки такимъ естественнымъ ожиданіямъ, придется утверждать, что возникновеніе московской духовной цензуры стоитъ въ непосредственной связи съ положительными духовно-просвѣтительными начинаніями имп. Павла I. Суть дѣла лишь въ томъ, что слишкомъ своеобразны были мотивы этой заботливости, а оттого, въ частности, и стремленіе къ оживленію духовной литературы выразилось главнымъ образомъ въ учрежденіи специальной для нея цензуры.

Предписывая „разборъ дѣтей духовенства, Павелъ I такъ формулируетъ указъ объ этомъ: ...священно и церковно-служительскихъ дѣтей, праздно живущихъ при отцахъ своихъ, для устройства состоянія ихъ съ лучшею выгодною, какъ для общества, такъ и для нихъ собственно, ...обратить въ военную службу, гдѣ они будутъ употреблены съ пользою, по примѣру древнихъ левитовъ, которые на защиту отечеству вооружались“ ¹⁾. Теперь, если поставить въ связь тѣ указы Павла I, которые касаются духовнаго просвѣщенія, то и здѣсь ясно обнаруживается та же тенденція къ мобилизаціи пригодныхъ силъ левитовъ для защиты отечества.

Вслѣдствіи неясности программы правительства Павла I, относительно крѣпостного права уже въ концѣ 1796 года во многихъ губерніяхъ возникли крестьянскія движенія. Значительное участіе принимало въ нихъ и сельское духовенство. Этотъ фактъ и побудилъ имп. Павла, чрезъ три мѣсяца по

¹⁾ П. С. Зак. XXIV, 17.675.

вступленіи на престолъ обратить вниманіе на духовное сословіе. „По происшедшимъ, гласилъ указъ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ ослушаніямъ крестьянъ противу помѣщиковъ своихъ оказалось, что многіе изъ священниковъ и церковно-служителей вмѣсто того, чтобы по долгу ихъ, правилами церковными и Регламентомъ Духовнымъ предписанному, наставлять прихожанъ своихъ въ благонравіи и повиновеніи властямъ, надъ ними поставленнымъ, сами къ противному сему подавали поводъ, а въ Великолуцкомъ уѣздѣ погоста Оконъ священникъ простеръ до такой степени свое неистовство, что изъявилъ неуваженіе къ Особѣ Государя подъ предлогомъ, что онъ еще не коронованъ“... Вслѣдствіе этого Синодомъ было предписано епархіальнымъ архіереямъ „дабы они прилагали пастырское попеченіе, какъ о умноженіи въ семинаріяхъ учениковъ, такъ и о благоустройствѣ самыхъ училищъ, наблюдая всемѣрно о успѣхахъ ученія, а паче надъ благонравіемъ учениковъ, чтобы они чужды были всякаго буйства и въ поведеніи безпорочны, дабы вступя послѣ въ чинъ священный и ученіемъ и примѣромъ собственнымъ утверждали духовныхъ чадъ своихъ въ покойствіи, послушаніи и добрыхъ поступкахъ и для того произведеніе въ санъ священный тако воспитанныхъ предпочитать неученымъ, хотя бы прихожане и просьбами объ нихъ настаивали“¹⁾.

Мѣры общаго характера, которыя, по мнѣнію правительства, могли служить къ возвышенію духовнаго сословія, изложены въ именномъ указѣ 18 декабря 1797 года. Поставивъ своимъ девизомъ „просвѣщеніе и благонравіе духовнаго чина способствуетъ просвѣщенію и утвержденію добрыхъ нравовъ и въ мірянахъ“,—указъ учреждаетъ новыя академіи, и лавры, надѣляетъ духовенство землей, увеличиваетъ содержаніе, опредѣляетъ „особливыя почести для духовенства въ видѣ наградъ“, и наконецъ, въ двухъ послѣднихъ пунктахъ трактуетъ о „соборномъ“ духовенствѣ²⁾.

Какъ видимъ, въ указѣ мѣры, касающіяся съ одной стороны просвѣщенія, а съ другой внѣшняго обезпеченія и даже блеска іерархіи, чередуются другъ съ другомъ, и мѣры

¹⁾ П. Собр. Зак. т. XXIV 17.958.

²⁾ Тамъ-же, 18.273.

второго рода власть имѣла возможность обрисовать болѣе опредѣленными чертами, чѣмъ первыя. Это собственно говоря, характерная черта многихъ распоряженій Павла I относительно духовенства. Смотри на духовенство, говорить Е. Шумигорскій, съ точки зрѣнія службы государству, значеніе которой для отдѣльныхъ лицъ измѣнялось табелью о рангахъ, Павелъ косвеннымъ образомъ примѣнилъ эту табель и къ духовному сословію, чтобы сравнять его въ этомъ отношеніи съ главнымъ служилымъ сословіемъ дворянствомъ ¹⁾.

Въ частности однимъ изъ проявленій симпатіи къ табели о рангахъ было созданіе и соборнаго духовенства, ради котораго, затѣмъ, была учреждена и специальная цензура. Что же такое долженъ былъ представлять этотъ институтъ соборныхъ по мысли указа и имѣлъ ли онъ какое либо значеніе въ дѣйствительности?

Званіе соборныхъ было присвоено избраннымъ священнослужителямъ, причисленнымъ къ самымъ привилегированнымъ монастырямъ и придворнымъ соборамъ. Въ каждой изъ трехъ лавръ ²⁾ и ставропигіальномъ Донскомъ монастырѣ было положено по штату десять вакансій, а при церкви Зимняго дворца, Успенскомъ и Благовѣщенскомъ соборахъ по шести. Зачислялись въ штатъ соборныхъ, съ дозволенія Синода, лица „съ успѣхомъ и пользою“ окончившія академіи и семинаріи. Прибавка къ содержанію, полагавшаяся соборнымъ, въ нѣсколько разъ превосходила оклады рядовыхъ іеромонаховъ: послѣдніе получали 24 рубля въ годъ, соборные же 150 р. Обязанности и преимущества соборныхъ указъ намѣчалъ лишь въ общихъ чертахъ. „Синодъ же нашъ, говорится тамъ, не оставитъ предписать точную ихъ должность, имѣя за правило, чтобы они упражнялись въ переводахъ, сочиненіяхъ, проповѣди Слова Божія, въ преподаваніи наукъ по академіямъ и семинаріямъ; сверхъ того, чтобы въ томъ мѣстѣ, гдѣ состоятъ соборными, отправляли соборомъ своимъ службу Божию, въ назначаемые ими (имъ?) дни,

¹⁾ Русскій Біограф. словарь, т. стр. 36 (3),

²⁾ Тр.-Сергіева лавра сначала была демонстративно обойдена но затѣмъ, въ 1798 г. по ходатайству м. Платона, положеніе о соборныхъ было распространено и на нее.

какъ то въ первѣйшіе Господскіе праздники, такожь въ дни Рожденія, Тезоименинства и Коронованія Государскаго, да и вообще, чтобы они не въ праздности обращались, но прямо на пользу церковную и Государственную служили, отличаясь добрымъ поведеніемъ, а тѣмъ могли бы достигать помѣщенія на степени Архіерейскія“.

Обязанности соборныхъ изъ придворнаго духовенства указъ опредѣляетъ тѣми же чертами. Сверхъ того онъ поручилъ Синоду дать имъ „именованія изъ уставовъ и обрядовъ Православной Нашей Греческой Восточной Церкви заимствуемыя“ и утверждалъ за ними право на знатнѣйшія протоіерейскія мѣста, почетнѣйшія службы и должности.

Въ такія формы отлилась давнишняя идея относительно созданія ученой церковной корпораціи. Созданныя указомъ, эти формы сразу производятъ впечатлѣніе чего то искусственнаго, мишурнаго, проще являются изобрѣтеніемъ титула, соединеннаго съ нѣкоторою прибавкою содержанія. Такимъ же явилось соборное духовенство и въ дѣйствительности.

Полное отсутствіе въ монастыряхъ и лаврахъ образованныхъ іеромонаховъ, на что напр., такъ жаловался м. Платонъ ¹⁾, заставило Синодъ, при первомъ же замѣщеніи вакансій, ограничиться возведеніемъ въ званіе соборныхъ лучшихъ преподавателей духовно-учебныхъ заведеній. Но даже число (количество) ихъ далеко не достигало полного комплекта. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшенъ былъ вопросъ и о составленіи подробной инструкціи соборнымъ. Синодъ нашелъ, что такъ какъ всѣ, опредѣленные въ число соборныхъ, уже занимаютъ по академіямъ и семинаріямъ учительскія должности, съ тѣмъ сами собой связаны и всѣ прочія, поименованныя въ указѣ,—то и не налагать на нихъ какихъ-либо особыхъ порученій ²⁾.

Въ результатъ, какъ въ указѣ обязанность соборныхъ упражняться въ переводахъ и сочиненіяхъ весьма мало отгѣнена сравнительно съ перечисленіемъ „особливыхъ почестей“, такъ же незначительна и заслуга ихъ передъ духовнымъ просвѣщеніемъ. Лишь не многіе изъ нихъ по долгу

¹⁾ Письма къ Амвросію, № 58, 61, 107.

²⁾ П. С. Зак., XXV, № 18. 767.

званія, дѣлали попытки заниматься порученнымъ имъ переводомъ отдѣльныхъ частей различныхъ церковныхъ книгъ. Еще рѣже изъ этихъ опытовъ можно было сдѣлать какое либо употребленіе ¹⁾. Лучше всего резюмировали итоги блѣдной дѣятельности соборнаго духовенства архіеп. Филаретъ (Амфитеатровъ). Предполагая въ 1828 году—обратить на содержаніе цензурныхъ комитетовъ всю сумму, ассигнованную на соборное духовенство, онъ прибавилъ: ибо извѣстно изъ опыта, что такъ называемые соборные іеромонахи, разсѣянные по разнымъ епархіямъ, доселѣ ничего полезнаго для церкви не сдѣлали ²⁾.

Но тридцатью годами ранѣ нѣкоторые изъ прожекторовъ—учредителей, повидимому, хотѣли вѣрить въ жизнеспособность подобныхъ ученыхъ дружинъ. Они даже рисовали себѣ картину, какъ эти, посѣянные въ разныхъ мѣстахъ зерна притянуть къ себѣ жизненные творческіе соки, какъ „и изъ училищъ и отъ частныхъ духовныхъ людей при настоящемъ ихъ ободреніи Высокомонаршими щедротами будутъ стекаться полезныя для Церкви и училищъ сочиненія“. И, надѣясь на такой продуктивный ростъ духовной литературы, чтобы создать для нея „благопріятныя условія“, а вмѣстѣ съ тѣмъ облегчить и свои труды по разсматриванію духовныхъ сочиненій, Синодъ, предупреждая факты, не замедлилъ провести положеніе о Духовной Цензурѣ или Комиссіи.

Во всеподданнѣйшемъ докладѣ и позднѣйшихъ разъясненіяхъ Св. Синода главные основанія, на которыхъ должна была утверждаться Московская Цензура, и коренныя правила, данныя ей въ руководство, представлены въ слѣдующемъ видѣ.

Учреждаемая въ Москвѣ Духовная Цензура находится въ непосредственномъ вѣдѣніи Св. Синода. Она состоитъ—изъ предсѣдателя и трехъ членовъ, извѣстныхъ по своимъ познаніямъ въ словесныхъ наукахъ и языкахъ; избираются они изъ монашествующаго или бѣлаго духовенства, по разсмотрѣнію и утвержденію Св. Синода.

Предметомъ дѣятельности Цензуры служить свидѣтельство-

¹⁾ Арх. Моск. дух. цензуры, 1800, № 14.

²⁾ Арх. Св. С. 1818 г. № 1. 215.

ваніе, разсмотрѣніе и исправленіе какъ переводовъ, касающихся Церкви и церковнаго ученія, такъ и вообще—сочиненій, издаваемыхъ соборнымъ и не соборнымъ духовенствомъ. Обязанность Духовной Цензуры состоитъ не въ томъ лишь, чтобы по примѣру гражданской, дѣлать простое одобреніе или неодобреніе сочиненія къ печатанію („по елику таковыя упражненія не суть важны“), но въ томъ, чтобы дѣлать имъ „реценсію, или строгое пересматриваніе и исправленіе“. Въмѣняется это ей въ обязанность вслѣдствіе того, что при свидѣтельствovanіи сочиненій и переводовъ могутъ оказаться между ними и такія, которыя не только въ литературномъ отношеніи потребуютъ исправленія, но нужно будетъ, дѣлая замѣчанія о недостаткахъ—или излишествахъ, вовсе возвратитъ ихъ въ то мѣсто, откуда они присланы, для приведенія ихъ въ надлежащій порядокъ, вразумивъ упражняющагося въ несовершенствѣ трудовъ его, дабы онъ съ пользою продолжалъ тѣ упражненія. Если изъ переводовъ присланныхъ въ цензуру изъ Св. Синода, нѣкоторыя окажутся уже напечатанными, тогда разсматривать и исправлять, сличая съ подлинникомъ, Цензура должна только тѣ, которыя превосходятъ своими кчествами прежніе переводы. Въ противномъ случаѣ, слѣдуетъ оставлять ихъ безъ всякаго употребленія и вниманія. Лишь послѣ всего этого Цензура можетъ давать заключеніе, достойна ли напечатанія разсмотрѣнная книга и не является ли она излишнею.

Всѣ сочиненія, одобренныя Цензурою, какъ не заключающія въ себѣ, по ея мнѣнію, ничего противнаго Закону Божію, правиламъ государственнымъ, благонравію и литературѣ, надлежитъ издавать въ печать съ дозволенія Синода, единственно въ типографіяхъ вѣдомству его принадлежащихъ. Изъ полученной при продажѣ такихъ переводовъ и сочиненій денежной суммы, прибыльную часть отдѣляя особо, слѣдуетъ производить изъ нея отличнѣе успѣвающимъ въ трудахъ авторамъ и переводчикамъ, для поощренія ихъ денежныя награды по усмотрѣнію Синода. На необходимые расходы по Цензурѣ, а также и на то, чтобы члены ея „ободряемые содержаніемъ, охотнѣе и успѣшнѣе трудились въ порученномъ имъ дѣлѣ“, былъ положенъ ежегодный кредитъ въ 3,500 рублей.

Официальное названіе Цензурѣ было присвоено слѣдую-

щее: „Учрежденная въ Москвѣ Духовная Цензура для свѣдѣтельства и разсматриванія сочиняемыхъ и переводимыхъ книгъ, до Церкви и ученій церковныхъ касающихся“ ¹⁾.

Вотъ основныя черты учрежденія, которое должно было явиться руководителемъ сначала „Духовнаго чина“ а потомъ и людей всякаго званія на пути литературнаго творчества. Проектъ, сохранившійся еще отъ тѣхъ временъ, когда просвѣщеніе насаждалось свыше, когда дѣйствовали лишь казенныя типографіи, былъ взятъ изъ архива и получилъ, наконецъ, санкцію. Это случилось тѣмъ проще, что и въ царствованіе Павла также на все простиралась опека правительства, также бездѣйствовали всѣ частныя типографіи,— даже казенныя закрывались въ нѣкоторые моменты.

Но когда, черезъ два года окончилась эпоха реакціи, и въ московской духовной цензурѣ, безъ всякаго измѣненія ея облика, былъ сосредоточенъ духовно-цензурный надзоръ, сейчасъ началось треніе отжившаго свой вѣкъ учрежденія съ новымъ духомъ времени. Ненормальными оказались ея отношенія съ одной стороны къ гражданской цензурѣ и типографіямъ, а съ другой—къ Синоду и мѣстной епархіальной власти. Все это оказывало существенное вліяніе на роль и значеніе цензуры. Поэтому, прежде чѣмъ входить въ изложеніе ея прямой дѣятельности, отмѣтимъ черты cadaго изъ этихъ отношеній.

Насильно вдвинутая въ жизнь, московская духовная цензура никогда не могла установить вполнѣ опредѣленныхъ отношеній къ гражданской цензурѣ. Впрочемъ, сама она мало и заботилась объ этомъ, предоставляя свѣтской — на свой страхъ и рискъ—дѣлать попытки практическаго рѣшенія щекотливаго вопроса о спорныхъ границахъ.

До 1802 года существовали учрежденные въ 1796 г. смѣшанные комитеты. Духовные и свѣтскіе цензоры, составлявшіе ихъ, ревностно исполняли службу его Величества, и, собственно говоря, при нихъ всякому другому ревнителю не оставалось мѣста. Достаточно напр., просмотрѣть хотя нѣсколько отзывовъ и заключеній цензора Туманскаго и его товарищей, чтобы убѣдиться въ достигнутомъ уже нес plus

¹⁾ Сборн. законоп. и распоряж. по дух. цензурѣ, стр. 26—29.

ultra и въ дѣлѣ охраненія вѣры и святости. Одно названіе могло погубить все сочиненіе, хотя бы писанное на иностранномъ языкѣ. Такъ въ своемъ отзывѣ о книгѣ „Странные разговоры между нѣкимъ путешественникомъ и разнаго рода другими лицами о религіозныхъ истинахъ“, Туманскій писалъ: „сіе сочиненіе подозрительнымъ дѣлаетъ то, что путешественникъ о важныхъ матеріяхъ, и большею частью къ христіанству относящихся, разговариваетъ низкимъ образомъ, какъ бы согласуясь съ простолюдинами, входящими въ разговоръ съ нимъ“. Или—на сочиненіи—„Робертъ и Элиза или радости возвышенной любви“ замѣтилъ: „На стр. 310 считаетъ авторъ ненужною тайну брака благословеніемъ священноіереевъ, да на стр. 314 совѣтуетъ дочери не присутствовать при погребеніи родителя, и безъ того уже въ жизни довольно черными красками описаннаго, что противно нравственности, обязывающей дѣтей къ почтенію родителями“¹⁾.

Благодаря такому усердію комитетовъ, въ духовную цензуру, за первые полтора года ея существованія, попало лишь нѣсколько специальныхъ сочиненій, присланныхъ изъ Синода и отъ духовныхъ лицъ. Съ воцареніемъ же Александра I начались удивительныя колебанія и крайняя неопредѣленность въ общемъ положеніи цензурнаго дѣла.

Именной указъ 31 Марта 1801 года, отмѣняя запрещеніе, наложенное Павломъ на заграничныя книги и распечатывая частныя типографіи, подтверждалъ, однако, указъ 1796 года относительно предварительной цензуры всѣхъ книгъ въ особыхъ цензурныхъ комитетахъ. На точномъ исполненіи того же указа Екатерины II настаиваетъ и указъ 14 іюля 1801 г. Между тѣмъ именной указъ отъ 9 Февраля слѣдующаго года, уничтожая смѣшанные комитеты, проводитъ уже иную точку зрѣнія. „Какъ, гласитъ онъ, съ одной стороны внѣшнія обстоятельства къ мѣрѣ сей (указу 1796 г.) Правительство побудившія, перешли и нынѣ уже не существуютъ, а съ другой—пятилѣтній опытъ доказалъ, что средство сіе было и весьма недостаточно къ достиженію предполагаемой имъ цѣли, то по уваженіямъ симъ и признали Мы справедливымъ освободить сію часть отъ препонъ, по времени слѣлавшихся излишними и бесполезными, и возвратить въ преж-

1) Скабичевскій. Очерки по ист. р. ц., стр.

нее ея положеніе... Сіе распоряженіе (1783) мы считаемъ нужнымъ дополнить тѣмъ, чтобы отъ нынѣ разсматриваніе книгъ, внутри Имперіи тисненію предаваемыхъ въ вольныхъ типографіяхъ, возложено было не на Управы благочинія, но на самихъ Гражданскихъ Губернаторовъ, которые имѣютъ къ сему употреблять Директоровъ народныхъ училищъ и чтобы безъ одобренія и дозволенія ихъ ни одна книга не была издаваема подъ страхомъ наказанія ¹⁾).

Затѣмъ весь 1803 годъ члены главнаго правленія училищъ обсуждали вопросъ о примѣненіи къ Россіи датскаго устава карательной цензуры, съ взысканіемъ по суду за нарушеніе ея правилъ, но, вмѣсто этого, ввели обычную предварительную цензуру, въ видѣ устава 9 іюля 1804 года.

Среди этихъ метаморфозъ для московской духовной цензуры былъ и критическій моментъ, именно въ 1802 г. Вызванъ онъ былъ нѣкоторою неопредѣленностью 3 п. указа 9 февраля. „Что принадлежитъ, говорится здѣсь, до книгъ церковныхъ и вообще къ вѣрѣ относящихся, — въ изданіи ихъ поступать на точномъ основаніи указа 27 Іюля 1787 г., коимъ запрещается въ частныхъ типографіяхъ печатать церковныя или къ Священному Писанію, вѣрѣ, либо толкованію закона и святости относящіяся книги. Таковыя должны быть печатаны въ Синодской или иныхъ типографіяхъ подѣвѣдомствомъ Синода состоящихъ, или же отъ Коммиссіи Народныхъ училищъ съ Высочайшаго дозволенія издаваемы будутъ“ ²⁾. Опредѣляя права синодальныхъ типографій, этотъ параграфъ не касается объема и самаго способа разсмотрѣнія духовнымъ вѣдомствомъ къ вѣрѣ относящихся книгъ. Между тѣмъ, разъ узаконялся status 1786 г., когда организованной духовной цензуры еще не существовало, то не трудно было сдѣлать изъ указа выводъ, что и московская духовная цензура должна раздѣлить судьбу всѣхъ прочихъ. Статское въ Москвѣ казначейство не замедлило воспользоваться этимъ благопріятнымъ для себя выводомъ и прекратило со второй половины 1802 года выдачу жалованья членамъ цензуры. Синодъ отстоялъ, однако, ея существованіе, ссылаясь на то, что она учреждена „для свидѣтельствванія

¹⁾ Пол. С. З. XXVІІ, 20. 139.

²⁾ Пол. С. З. XXVІІ, 29. 139

и разсматриванія сочиняемыхъ и переводимыхъ книгъ, до Церкви и ученій церковныхъ касающихся“, слѣдовательно, не для той цѣли, для которой существовали остальные теперь упраздняемые цензуры. Такимъ образомъ, еще разъ былъ подчеркнутъ особый характеръ и назначеніе московской духовной цензуры.

Но если указаніе на ея самозамкнутость и исключительность было такъ осязательно полезно въ данномъ случаѣ, то нельзя сказать, чтобы для высшей духовной власти было удобно всегда отбѣивать эту точку зрѣнія. Мысль о тѣсныхъ специальныхъ границахъ духовно-цензурнаго надзора была для нея слишкомъ обоюдо-остра. Это значило удалять свой контроль въ тихую заводь, между тѣмъ, какъ потокъ времени будетъ мчаться мимо, свободный отъ всякаго вмѣшательства и препятствій. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не могли директора училищъ, при желаніи пропускать антицерковныхъ книгъ лишь потому, что имъ онѣ казались не „церковными“? и не могли ли они наводнить книжный рынокъ мистико-масонскими сочиненіями на томъ основаніи, что содержащееся въ нихъ *credo* ничего общаго не имѣетъ съ „вѣрою и святостью“ господствующей? и т. д...

Опасаясь, очевидно, такой перспективы, высшая духовная власть уже въ 1802 году стала принимать нѣкоторыя мѣры. Когда цензура, считая подвѣдомственнымъ себѣ лишь духовное сословіе, отказалась принять на разсмотрѣніе Мѣсяцесловъ, изданный Глазуновымъ и Капустинымъ, „по причинѣ званія ихъ, что они свѣтскіе“, Синодъ по этому поводу сдѣлалъ разъясненіе и подтвержденіе. Московской цензурѣ было предписано, въ случаѣ, если отъ кого и изъ свѣтскихъ представлены будутъ въ цензуру книги, подлежащія ея разсмотрѣнію,—такія книги принимать и разсматривать на общемъ основаніи. Черезъ сенатъ же еще разъ было строжайше подтверждено всѣмъ типографіямъ не печатать даже съ дозволенія свѣтскихъ цензуръ никакихъ книгъ къ Священному Писанію, вѣрѣ, либо толкованію закона и святости относящихся ¹⁾.

Но все это, какъ видимъ, было лишь повтореніемъ старыхъ терминовъ или новымъ палліативомъ. И это въ ту

¹⁾ Арх. Св. С. 1802, 723.

пору, когда шла разработка цензурнаго устава, когда естественнѣе всего было бы стремиться рѣшить основные вопросы относительно духовной цензуры: о самомъ правѣ ея на существованіе, формахъ организациі, границахъ надзора. Въ результатѣ, благодаря постояннымъ заявленіямъ духовной власти, образовалась лишь прочная традиція, что есть и должна быть специальная духовная цензура, находящаяся въ вѣдѣніи Синода, и что есть у ней свой опредѣленный кругъ и методы дѣятельности. Говоримъ традиція, потому что даже специалисты-составители устава 1804 года предпочли въ соотвѣтствующихъ пунктахъ просто воспользоваться существующимъ уже названіемъ „Духовная Цензура“ и придать къ нему въ качествѣ опредѣленій такія же готовые и избитыя выраженія указа 27 іюля 1787 г. Вотъ 8-й пунктъ устава, касающійся духовной цензуры: „Книги и сочиненія церковныя, къ Священному Писанію, вѣрѣ, либо толкованію Закона Божія и святости относящіяся, подлежатъ разсмотрѣнію Цензуры Духовной, находящейся подъ вѣдѣніемъ Святѣйшаго Синода и Епархіальныхъ Архіереевъ. Таковыя книги и сочиненія должны быть печатаемы въ Синодской или иныхъ типографіяхъ, подъ вѣдѣніемъ Синода состоящихъ“ ¹⁾.

Не трудно видѣть, что вопросъ о дѣйствительныхъ прерогативахъ и объемѣ вѣдѣнія этой „духовной цензуры“ здѣсь почти не рѣшается. Если же сравнить этотъ параграфъ съ другими, то указанная проблема выступаетъ еще ярче. Вѣдь и свѣтской цензурѣ предписано было наблюдать, чтобы въ разсматриваемыхъ ею сочиненіяхъ не было ничего противнаго Закону Божію и нравственности“ (§ 15), и дано право удерживать у себя рукописи, „исполненныя мыслей и выраженій, явно отвергающихъ Бытіе Божіе и вооружающіяся противъ вѣры и Отечества“ (§ 19). Но еще болѣе условно можно было понимать § 22 того же устава свѣтской цензуры. Скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, говорится здѣсь, относящейся до *вѣры*, человечества, гражданскаго состоянія, законоположенія, управленія Государственнаго, или какой бы то ни было отрасли правленія, не только не подлежитъ и самой умѣренной стро-

¹⁾ П. С. Зак., т. XXVІІ. 21. 388.

гости Цензуры, но пользуется совершенною свободою тисненія, возвышающею успѣхи просвѣщенія.

Неясность статей устава на практикѣ тотчасъ повлекла за собою разнаго рода недоумѣнія и дипломатическія сношенія между свѣтской и духовной властью. Первый поводъ къ этому въ 1806 году былъ данъ основателемъ Сіонскаго Вѣстника А. Ѳ. Лабзинымъ. Проникнутый широкими замыслами посредствомъ спеціальнаго христіанскаго журнала бороться противъ современнаго вольнодумства и индифферентизма, Лабзинъ, конечно, боялся подпасть подъ опеку духовной цензуры ¹⁾. И, указывая на то, что противодѣйствіе антирелигіозному направленію было начато не духовенствомъ, а людьми свѣтскими, Лабзинъ просилъ, о дозволеніи ему издавать журналъ съ разрѣшенія гражданской цензуры. Никакого препятствія къ этому въ статьяхъ цензурнаго устава, онъ не видѣлъ. Онѣ требовали лишь, чтобы въ издаваемыхъ книгахъ не было ничего противнаго высочайшей власти, гражданскимъ законамъ, христіанской религіи, установленіямъ церковнымъ, благопристойности лично каждаго и общественной безопасности.

Эта ли аргументація или другія соображенія (наприм. неудобство подчинять петербургскій журналъ московской цензурѣ) подѣйствовали на министра народнаго просвѣщенія, но разрѣшеніе было дано. Тѣмъ не менѣе уже послѣ выхода первыхъ двухъ книжекъ журнала министръ народнаго просвѣщенія Завадовскій призналъ, что Сіонскій Вѣстникъ, какъ по своему названію, такъ и по статьямъ, содержащимъ разсужденіе о религіи, долженъ подлежать разсмотрѣнію духовной цензуры и поручилъ попечителю петербургскаго округа Новосильцеву предписать о томъ цензурному комитету.

Исполняя приказаніе министра, Новосильцевъ счелъ, однакоже необходимымъ просить разъясненія слѣдующихъ вопросовъ. Во первыхъ, если Сіонскій Вѣстникъ по своему названію подлежитъ разсмотрѣнію духовной цензуры, то необходимо опредѣлить, всѣ-ли книги съ заглавіями, заим-

¹⁾ Въ одной изъ первыхъ книжекъ Сіонскаго Вѣстника находится достоянная вниманія фраза: "...заинтересовался невѣрующій...",—вотъ лучшая цензура на книгу, съ которой всякая другая едва ли поравняться можетъ! (1806 г., ч. II, Апрѣль, стр. 116).

ствованными изъ Св. писанія, должны быть также разсматриваемы духовною цензурою, какъ на примѣръ поэма „Потерянный и Возвращенный Рай“, трагедія „Есфирь и Атолія“ Размышленія о величіи Божіемъ и мн. др. До сихъ поръ, онѣ всегда подлежали разсмотрѣнію гражданской цензуры. Во вторыхъ, принявъ за основаніе, что сочиненія касающіяся вопросовъ религіозныхъ, съ цитатами изъ Св. Писанія, подлежатъ духовной цензурѣ, надо допустить, что не только многія книги, метафизическаго и нравственнаго содержанія, но и самыя повѣсти и романы должны также подлежать духовной цензурѣ. Изъ множества примѣровъ, писалъ Новосильцевъ, я приведу здѣсь только одинъ именно „Матильду“,—новый французскій романъ, въ шести томахъ, отмѣнно одобряемый со стороны нравственности и стиля, взятый изъ крестовыхъ походовъ и содержащій въ себѣ разсужденія о религіи христіанской и весьма многіе заводы и цитаты изъ Св. Писанія. Прилично ли духовной цензурѣ разсматривать сіи и подобныя книги, главнымъ предметомъ которыхъ большею частію, является любовная интрига?... Наконецъ, и по самому смыслу восьмого параграфа цензурнаго устава, вѣдѣнію духовной цензуры подлежатъ только книги церковныя, проповѣди, катехизисы и богословскія сочиненія, всѣ же остальные, какъ на примѣръ, переложенія духовныхъ псалмовъ и даже „жизнь Іисуса Христа“ всегда печатались въ свѣтскихъ типографіяхъ и съ разрѣшенія гражданской цензуры.

На все сіе, заключалъ Новосильцевъ, ожидаю разрѣшенія Вашего Сіятельства, которое тѣмъ нужнѣе, что цензоры, не имѣя точныхъ свѣдѣній о томъ, что принадлежитъ къ цензурѣ духовной и что слѣдуетъ къ ихъ разсмотрѣнію, невольнымъ образомъ могутъ учинить отступленіе отъ даннаго имъ предписанія и чрезъ то навлечь новыя непріятности“.

Гр. Завадовскій былъ поставленъ въ весьма затруднительное положеніе и въ теченіи трехъ недѣль не отвѣчалъ Новосильцеву. Наконецъ, отъ 21 Апрѣля сообщилъ „свою мысль“, что цензура должна руководствоваться въ разсмотрѣніи оныхъ (духовныхъ книгъ) § 22 цензурнаго устава, въ которомъ скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, предоставлено разсмотрѣнію граждан-

ской цензуры ¹⁾. Новосильцевъ всетаки поручилъ цензурному комитету отправить апрѣльскую книжку Сіонскаго Вѣстника на разсмотрѣніе митр. Амвросію, который не встрѣтилъ никакого препятствія къ ея выпуску, и 12 апрѣля она была издана въ свѣтъ. Впрочемъ, вскорѣ кн. Голицынъ, еще не пристрастившійся къ мистицизму, прекратилъ существованіе журнала. Чрезъ десять лѣтъ во всеподданнѣйшей запискѣ, онъ такъ излагалъ причины своего поступка: „Возмнилъ я, что оный журналъ есть произведеніе какого нибудь тайнаго общества, ищущаго вредить религіи, а можетъ быть и правительству. И, смотря съ ложной точки зрѣнія, думая защитить церковь, я сдѣлался гонителемъ ея, и вслѣдствіи сихъ заключеній представилъ В. Величеству о запрещеніи Сіонскаго Вѣстника ²⁾).

Эта переписка по поводу журнала Лабзина ясно показываетъ, какъ смутно было представленіе о границахъ цензурной компетенціи даже въ высшихъ инстанціяхъ министерства народнаго просвѣщенія; и онѣ не въ состояніи были указать какихъ либо твердыхъ данныхъ для опредѣленія юрисдикціи той и другой цензуры.

Впрочемъ, мало по малу гражданская цензура прибрѣтала извѣстный навыкъ и опытъ, которыми и руководилась въ сомнительныхъ случаяхъ. Для его характеристики интересный матеріалъ даютъ цензурныя мытарства переведеннаго на русскій языкъ второго тома сочиненія Іерузалема „Размышленія о важнѣйшихъ истинахъ религіи“. Московская гражданская цензура, куда первоначально въ 1807 г. поступилъ переводъ, отказалась его разсматривать, въ виду множества „духовныхъ матерій“, и передала его въ духовную цензуру. Та, признавая его достоинства, не рѣшилась, однако, дать о немъ одобрителный отзывъ. Найдя въ рукописи выводы, опасные для вѣры въ богодухновенность Св. Писанія, и для содержащихся въ немъ истинъ, цензура, возвратила ее переводчику для исправленія мѣстъ, несогласныхъ съ ученіемъ церкви. Въ слѣдующемъ же году, неудовлетворяемая и сдѣланными поправками, цензура снова отослала пе-

¹⁾ Р. Стар. 1894, XI, 71. Н. Дубровинъ. Наши мистики-сектанты.

²⁾ Н. Стеллецкій, кн. А. Н. Голицынъ, 147—8 л.

реводчику Т. Крылову названное сочиненіе, „въ настоящемъ видѣ для Церкви не полезное“ ¹⁾.

Благодаря ходатайству Н. Н. Бятышъ-Каменскаго и участію митр. Амвросія, рукопись въ третій разъ была поручена разсмотрѣнію члена московской цензуры Геннадія, вызваннаго Синодомъ на чреду служенія. Не смотря, однако, на его усердіе, „Размышленія“ подверглись запрещенію со стороны комиссіи дух. училищъ и отданы были въ архивъ при петербургскомъ духовно-цензурномъ комитетѣ. Но вотъ въ 1814 г. тотъ же переводъ Размышленій Іерусалема былъ изданъ Крыловымъ (уже учителемъ армейской семинаріи) съ разрѣшенія свѣтской цензуры. Начался обмѣнъ мнѣній между духовнымъ и гражданскимъ вѣдомствами. На представленіе комиссіи, возбужденное по инициативѣ духовно-цензурнаго комитета, министръ народнаго просвѣщенія Разумовскій отвѣчалъ, что имъ сдѣлано уже распоряженіе объ остановкѣ, если еще возможно, изданія и о присылкѣ подлинника для провѣрки,—исключены ли мѣста, замѣченныя духовною цензурою. Въмѣстѣ съ тѣмъ, желая вѣроятно покончить съ спорнымъ вопросомъ, онъ предлагалъ еще мѣру довольно принципіальнаго свойства. Воспретивъ цензурнымъ комитетамъ своего вѣдомства принимать на разсмотрѣніе книги духовнаго содержанія, онъ просилъ комиссію увѣдомлять его въ тѣхъ случаяхъ, когда духовные цензоры въ вышедшихъ уже, съ разрѣшенія свѣтской цензуры, книгахъ замѣтятъ мѣста, подлежащія сомнѣнію или запрещенію. Но комиссія, признавъ сдѣланное распоряженіе сильной мѣрой противъ печатанія сочиненій и переводовъ сомнительныхъ, повѣрку въ духовныхъ цензурахъ тѣхъ книгъ, кои уже вышли, по причинѣ многочисленности ихъ и по другимъ резонамъ, нашла неудобнымъ.

Пріостановка Разумовскимъ выпуска въ свѣтъ Іерусалема вызвала со стороны одобвившаго переводъ С.-Петербургскаго комитета гражданской цензуры объясненіе съ указаніемъ мотивовъ его дѣйствій. Приводимые имъ въ свое оправданіе доводы были слѣдующіе. Во-первыхъ, переводчикъ скрылъ то, что книга уже была на разсмотрѣніи духовной цензуры. Впрочемъ, всѣ исправленія послѣдней, какъ оказалось при

¹⁾ Арх. М. Д. Ц. 1807, 11.

сличеніи, были оставлены и даже дополнены гражданскимъ цензоромъ. Во-вторыхъ, по самому содержанію своему, книга эта подлежитъ гражданской цензурѣ: она не богословіе, ни катехизисъ, ни проповѣдь, ни толкованіе догматовъ вѣры, чѣмъ и исчерпывается объемъ духовной цензуры. Въ третьихъ, даже въ самой противоположности заключеній объ одной и той же книгѣ нѣтъ противорѣчія. Кругъ дѣйствія той и другой цензуры совершенно различенъ и правила, которыми руководствуется въ одобреніи книгъ духовная цензура, несравненно строже, чѣмъ тѣ, какія предписаны для гражданскихъ цензуръ; зато среди публики и книги, одобренныя духовной цензурой, пользуются гораздо большимъ уваженіемъ, нежели пропущенныя цензурой гражданской, допускающей болѣе свободы мыслить и писать ¹⁾).

Коммиссія духовныхъ училищъ, въ виду такого отзыва нашла возможнымъ снять запретъ съ Размышленій, хотя окончательное рѣшеніе дѣла предоставила гражданской цензурѣ. Но тогда министръ народнаго просвѣщенія подтвердилъ, чтобы книга оставалась подъ запрещеніемъ, пока духовная цензура ея не одобритъ. Въ такомъ безвыходномъ положеніи, Крыловъ, обратился въ Коммиссію съ просьбою о снятіи запрещенія съ книги и ея одобреніи, но она опять отвѣтила уклончиво. Наконецъ уже въ 1817—19 гг. книга эта была напечатана съ разрѣшенія свѣтской цензуры.

Итакъ, гражданская цензура несмотря на неясность терминовъ устава, фактически весьма просто опредѣлила свое отношеніе къ духовной цензурѣ. Богословіе, катехизисъ, проповѣдь и толкованіе догматовъ—вотъ, по ея убѣжденію, весь объемъ духовной цензуры. И, какъ видимъ, высшая духовная власть не возражала въ этомъ дѣлѣ по существу, да и не могла возражать: жизнь слишкомъ опередила „Положеніе 1799 г. о Коммисіи для свидѣтельствowanія книгъ церковныхъ“.

Сама московская духовная цензура, далеко отступивъ предъ натискомъ гражданской и, за учрежденіемъ академическихъ духовно-цензурныхъ комитетовъ, фактически прекративъ свою дѣятельность, была, повидимому, вполне довольна неясностью своей полустертой вывѣски. Въ 1827 г., за нѣ-

1) Чистовичъ. Руководящіе дѣятели дух. просвѣщ., стр. 125—28.

сколько мѣсяцевъ до officialнаго закрытія цензуры, въ нее было прислано московскою консисторіей стихотворное переложеніе „Страданія и смерть Богочеловѣка“. Оно было возвращено цензурою безъ разсмотрѣнія на томъ основаніи, что „не касается прямо до учрежденной въ Москвѣ духовной цензуры, разсматривающей сочиненія и переводы, до Церкви и ученій Церковныхъ касающіяся ¹⁾“.

Гражданская цензура, расширяя, насчетъ духовной, прѣдѣлы своей компетенціи могла дѣйствовать тѣмъ увѣреннѣе, что на ея сторонѣ были симпатіи не только авторовъ, но и издателей сочиненій. Одобряя сочиненія, она не вмѣшивалась въ дѣло ихъ изданія, не устанавливала какой либо монополіи типографій, какъ это дѣлала духовная цензура. Последняя же считала своимъ долгомъ держаться буквы указовъ, „положенія“ и устава 1804 г., предписывавшихъ все, одобряемое ею, издавать исключительно въ синодальныхъ типографіяхъ. Но въ такомъ случаѣ интересно отмѣтить, какую цѣль преслѣдовали эти распоряженія, если на практикѣ они приводили къ самоограниченію духовно-цензурнаго надзора.

Цѣль эта, выражаясь словами officialныхъ дѣлъ, была „отвращеніе ущерба типографскому капиталу и предупрежденіе могущихъ вкрасться въ издаваемые частными людьми духовныя книги какихъ либо противностей Божію и гражданскому закону и благонравію, какъ то и бывало“ ²⁾. Фискальныя интересы типографій удивительно тѣсно переплетались съ проявленіемъ духовно-цензурнаго надзора. Отсюда даже въ то время, когда цензура съ достоинствомъ заявляла, что ея цѣль выпускать книги въ печать полезныя для церкви, а прибыли книготорговцевъ или ихъ знакомство совсѣмъ для нея дѣло постороннее, она фактически защищала книгоиздательскіе интересы... синодальныхъ типографій ³⁾.

Такое родственно-доброжелательное отношеніе цензуры къ типографіи установилось не безъ основаній,—можетъ быть даже изъ чувства состраданія и вмѣстѣ опасенія. Исключо-

¹⁾ Арх. М. Д. Ц., № 22.

²⁾ Арх. Св. Синода, 1812 г., 360.

³⁾ М. Д. Ц. 1802 г., 22.

чительное право московской синодальной типографіи на изданіе „церковныхъ книгъ“ являлось для нея не только привиллегіей, но и существеннымъ препятствіемъ свободно развивать свою дѣятельность. Боязнь, какъ бы изъ духовной типографіи не вышло чего нибудь компрометирующаго церковныя учрежденія, побуждала Синодъ до 1821 года безусловно воспрещать печатаніе въ его типографіяхъ сочиненій, даже одобренныхъ свѣтскою цензурою „во избѣжаніе всякаго сомнѣнія“ ¹⁾. Зато съ тѣмъ большей энергіей готова была отстаивать свои законныя права типографія, хронически испытывавшая недостатокъ въ средствахъ, а послѣ войны двѣнадцатаго года постоянно находившаяся въ долгу у комиссіи духовныхъ училищъ ²⁾. Въ частности, она ревниво наблюдала за своимъ правомъ исключительнаго печатанія всѣхъ книгъ, одобренныхъ духовной цензурою, согласно положенія 1799 года. Цензура съ своей стороны предупредительно устраняла поводы къ недоразумѣніямъ.

Правда, условіе, что данная книга должна быть напечатана въ синодальной типографіи, на такой то,—собственный или казенный коштъ, въ такомъ то количествѣ экземпляровъ и такимъ то церковнымъ или гражданскимъ шрифтомъ,—включалось въ одобрительную формулу уже второй цензурной инстанціей—Синода. Синодъ же былъ весьма послѣдователенъ въ защитѣ привиллегій духовныхъ типографій. Иногда онъ предпочиталъ даже издавать сочиненія немущихъ авторовъ на казенный счетъ, лишь бы не отступить отъ силы указовъ (правда—именныхъ). И, лишь въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда типографіи не имѣли физической возможности выполнять частные заказы, дѣлались исключенія въ пользу вольныхъ типографій, но и здѣсь послѣднюю корректуру должны были править корректоры синодальной типографіи ³⁾.

Но всѣ нужныя предварительныя свѣдѣнія должна была собирать московская цензура при самомъ поступленіи въ нее рукописи или книги. И здѣсь именно ярче всего обнаруживалось столкновеніе жизненныхъ интересовъ авторовъ—

1) Арх. Св. Синода, 1824 г., 120.

2) Тамъ же, 1802, 723; 1812, 360; 1830, 94.

3) Арх. Св. Синода, 1808, 970.

преимущественно изъ духовенства—съ требованіями установленнаго цензурно-типографскаго механизма.

Синодальныя типографіи обыкновенно не соглашались на печатаніе въ кредитъ; въ лучшемъ случаѣ они допускали лишь разсрочку платежа, обязывая вносить половину слѣдуемой суммы предъ началомъ печатанія и половину предъ выходомъ книги изъ типографіи. Частныя же типографіи нерѣдко удовлетворялись лишь небольшимъ авансомъ ¹⁾. Сознаніе невыгоды печатанія книгъ въ подвѣдомственныхъ Синоду типографіяхъ не разъ побуждало авторовъ и издателей просить цензуру о разрѣшеніи издавать помимо ихъ свои труды. Такъ напримѣръ въ одномъ прошеніи московскій священникъ Полубенскій ходатайствуетъ о дозволеніи напечатать книгу на собственный его счетъ, „въ какой типографіи мнѣ по способности разсудится“ ²⁾. Въ другомъ—губернскій предводитель дворянства—о разрѣшеніи издать слово ректора семинаріи предъ открытіемъ дворянскихъ выборовъ въ мѣстной губернской типографіи ³⁾. Въ третьемъ—епископъ Теофилактъ калужскій проситъ о такомъ же разрѣшеніи, ибо, доказываетъ онъ, для духовной цензуры кажется все одно—въ синодальной ли типографіи быть ей (проповѣди) напечатанною или въ другой какой либо. Но для меня калужская выгоднѣе по многимъ отношеніямъ ⁴⁾.

Между тѣмъ цензура—въ началѣ и въ концѣ—своей дѣятельности предпочитала держаться „силы данныхъ ей наставленій“. Она даже не принимала прошеній съ указанными оговорками, или посылала соотвѣтствующие запросы, ибо-де цензурѣ необходимо знать, на чей именно счетъ и какимъ шрифтомъ представленная книга имѣетъ быть напечатана: безъ такого же заявленія и принять ее къ разсмотрѣнію она не можетъ ⁵⁾. Затѣмъ отъ авторовъ требовалась подписка о согласіи печатать на собственный или, наоборотъ, казенный счетъ и т. д., и лишь послѣ этого цензура начинала разсматривать рукопись.

На почвѣ такого вниманія и предупредительности къ

¹⁾ Тамъ же, 1804, 149.

²⁾ М. Д. Ц. 1800, 21.

³⁾ Тамъ же, 1810, 15.

⁴⁾ М. Д. Ц., 1806, 12.

⁵⁾ Тамъ же, 1800, 27; 1816, 14.

чисто типографскимъ дѣламъ происходили болѣе чѣмъ странные для спеціального цензурнаго учрежденія факты. Напримѣръ, совѣтъ казанскаго университета желая помѣстить въ своихъ періодическихъ извѣстіяхъ слово епископа пркутскаго Михаила, произнесенное въ гимназій, требуетъ у цензуры соотвѣтствующаго разрѣшенія. Но цензура даже для повременнаго изданія не находитъ возможнымъ сдѣлать исключеніе и предлагаетъ совѣту: не угодно ли ему будетъ напечатать слово въ московской синодальной типографіи и, если угодно, то на чьи именно средства, сколько экземпляровъ и куда это слово по отпечатаніи препроводить ¹⁾. Отвѣта не было получено... Въ другой разъ по тѣмъ же мотивамъ, цензура отклонила отъ себя разсмотрѣніе присланаго изъ той же Казани „патріотическаго стихотворенія“ ²⁾. Вообще, изъ ложной посылки,—изъ тѣхъ ненормальныхъ отношеній, какія существовали между цензурой и типографіей, вытекали и необыкновенныя сопоставленія понятій „чистота вѣры“ и „ущербъ капитала“, польза церкви и подрывъ типографіи... Нисколько поэтому неудивительно, если авторы готовы были прибѣгать къ самымъ разнообразнымъ средствамъ и толкованіямъ, чтобы, ускользнувъ отъ „строгой реценсіи“ цензуры, избавиться вмѣстѣ и отъ станка типографіи. И только немногія лица, почему либо останавливавшіе свой выборъ именно на синодальной типографіи, шли прямымъ путемъ и слѣдовали логикѣ Н. Н. Б.-Каменскаго. Отсылая въ цензуру свою „Исторію уни“, онъ писалъ предсѣдателю ея Виктору: вотъ идетъ подъ вашъ молотокъ моя униа..., *ибо* въ духовной типографіи печатать буду ³⁾.

Ненормальнымъ и неопредѣленнымъ отношеніямъ Московской духовной цензуры къ гражданскимъ цензурнымъ учрежденіямъ и типографіямъ вполне соотвѣтствовали ея отношенія къ Синоду и къ московскому м. Платону.

Что касается первыхъ, то уже въ проектѣ 1756 г. они были формулированы несравненно логичнѣе, чѣмъ въ поло-

¹⁾ Тамъ же, 1817, 24.

²⁾ Тамъ же, 1813, 30.

³⁾ М. Д. Ц., 1904, 7.

женіи 1799 года. Въ самомъ дѣлѣ, разъ проектомъ было установлено, что синодальные члены не имѣютъ физической возможности исполнять цензурныя функціи,—послѣднія въ полномъ объемѣ переходили къ конторѣ. Затѣмъ, имѣя въ виду, что контора должна состоять изъ образованныхъ и заслуживающихъ довѣрія цензоровъ, проектъ находилъ ихъ одобреніе вполне достаточнымъ для пропуска книги въ печать. Даже когда вносились поправки къ этимъ выводамъ,—авторамъ проекта оставалась ясная диллема: или самостоятельное учрежденіе въ Москвѣ при типографіи, или филиальное отдѣленіе въ Петербургѣ при Синодѣ.

Составители „положенія“ 1799 года, напротивъ, о логикѣ заботились весьма мало. Они подчинили цензуру непосредственному вѣдѣнію Синода, но нашли, что ей „удобнѣе и полезнѣе для всей Имперіи быть въ Москвѣ“. Отзывы о книгахъ должны были давать члены цензуры,—лица „извѣстныя по своимъ познаніямъ въ словесныхъ наукахъ и языкахъ“. Но провѣрять и утверждать одобрительные отзывы въ каждомъ случаѣ должны были члены Синода, о которыхъ тотъ же докладъ заявлялъ, что они „не могутъ съ желаемою поспѣшностью и пользою заниматься онымъ обревизованіемъ“.

Очень возможно, конечно, что самыя обстоятельства времени заставляли членовъ Синода подчеркивать во всеподданнѣйшемъ докладѣ „свое усердіе и ревность къ службѣ его императорскаго величества“... Тѣмъ не менѣе, и съ перемѣной этихъ обстоятельствъ, отношенія Синода и цензуры остались прежними. Во все время существованія московской духовной цензуры, относительно каждой разсмотрѣнной и одобренной ею рукописи, происходило сношеніе съ Синодомъ, причемъ пересылался и самый оригиналъ. Это было общее правило, подвергнувшееся лишь нѣкоторымъ ограниченіямъ.

Первое изъ этихъ ограниченій было сдѣлано въ 1800 году, по поводу скитанія рукописи „Толкованія св. Іоанна Златоустаго на посланія ап. Павла“. Препровожденная Синодомъ въ Москву на рецензію она съ одобрительнымъ отзывомъ, была возвращена цензурой обратно. Отсылая ее въ московскую синодальную типографію Синодъ далъ цензурѣ предписаніе,—въ случаѣ одобренія присылаемыхъ отъ него книгъ,

представлять ему лишь письменный отзывъ. И только въ случаѣ неодобренія, къ отзыву долженъ быть приложенъ и подлинникъ ¹⁾.

Еще болѣе ненормальнымъ явленіемъ была переписка цензуры съ Синодомъ относительно мелкихъ,—часто срочныхъ,—произведеній, напр., проповѣдей. Она то и побудила цензуру просить у Св. Синода нѣкоторой самостоятельности. Приводимые ею мотивы были взяты изъ жизни. Это—неудовольствіе авторовъ, стѣсненіе развитія духовной литературы,—потому что и представившіе въ цензуру свои произведенія, брали ихъ назадъ, когда охладѣвалъ пылъ „благодѣтелей“, обѣщавшихъ субсидіи на изданіе. Такимъ образомъ, оставались въ неизвѣстности, безъ всякаго употребленія и такія сочиненія, которыя могли бы дѣлать честь авторамъ, а читателямъ принести пользу. Указывалось, наконецъ, и на обычное отсутствіе въ такихъ сочиненіяхъ догматическаго и вообще важнаго содержанія. Синодъ уважилъ эту просьбу и указомъ 5 іюня 1805 г. дозволилъ цензурѣ отдавать мелкія сочиненія прямо въ типографію, обязавъ, впрочемъ, ее каждый разъ доносить ему рапортомъ ²⁾.

Впрочемъ, понятіе „мелкія сочиненія“ довольно неопредѣленно и формально. И, не далѣе какъ черезъ годъ, встрѣтились недоумѣнія, въ силу которыхъ данное право было ограничено. Увлеченные теплотою и благочестивыми чувствованіями „Краткихъ размышленій и молитвъ Эккартегаузена“, члены московской цензуры поспѣшили дать свое разрѣшеніе, подведя ихъ подъ категорію мелкихъ сочиненій. Однако, Синодъ, признавъ, что „молитвы эти не имѣютъ силы и важности церковныхъ“, остановилъ ихъ печатаніе, предписавъ „подобныя сочиняемыя книги“ представлять на его утвержденіе. Въ другой разъ такое же замѣчаніе вызвала и проповѣдь Теофилакта калужскаго: она, по просьбѣ автора, была пропущена подъ именемъ „разсужденія“, а систематическое разсужденіе, по мнѣнію Синода, не подходило подъ указъ 1805 года. Цензура по этому поводу приготовила даже объясненіе, гдѣ указывалось на то, что иное дѣло разсужденіе—проповѣдь и иное „разсужденіе наполнен-

1) Арх. Св. Синода, 1818, 1215.

2) М. Д. Ц. 1805, 10.

ное свидѣтельствами изъ свѣтскихъ писателей и историковъ, предназначенное для училищъ“. Но эта попытка защиты цензурою своихъ правъ такъ и осталась въ видѣ черныя среди дѣлъ ея архива ¹⁾).

Вообще Синодъ, не довольствуясь принятіемъ къ свѣдѣнію рапортовъ цензуры о пропускѣ мелкихъ сочиненій, считалъ иногда необходимымъ провѣрять дѣйствія цензуры. Такъ напримѣръ, донесеніемъ отъ 3 марта 1814 года цензура извѣщала Синодъ, что ею отосланы въ типографію „Стихотворныя духовныя сочиненія гр. Григ. Салтыкова“. Черезъ два мѣсяца Синодъ потребовалъ ихъ къ себѣ на разсмотрѣніе: 29 мая цензура отправила уже отпечатанный экземпляръ и тѣмъ не менѣе въ августѣ получила изъ Синода „указъ съ изъясненіемъ въ немъ позволенія на печатаніе“ ²⁾).

Какъ видно уже изъ даннаго примѣра, „непосредственная“ зависимость московской цензуры отъ Синода рельефнѣе всего могла проявляться въ безрезультатной канцелярской перепискѣ. Также безрезультатна, была и двойная оцѣнка—въ Москвѣ и Петербургѣ однѣхъ и тѣхъ же книгъ, съ какой стороны на нее ни посмотрѣть.

Прежде всего Синодъ не имѣлъ постояннаго контроля надъ существовою дѣятельностью цензуры: неодобренныя ею сочиненія въ Синодъ не поступали, за немногими исключеніями. А вторичный просмотръ уже рекомендованныхъ цензурой сочиненій имѣлъ мало смысла, особенно въ виду тѣхъ условій, при которыхъ онъ производился.

Поступившія изъ московской цензуры въ Синодъ книги и рукописи отдавались на разсмотрѣніе одному изъ его членовъ, причемъ выборъ того или другого члена былъ, большею частью, случаенъ. Особенно это стало замѣтно послѣ того, какъ составъ самого Синода, по волѣ оберъ-прокурора Голицына, сдѣлался весьма неустойчивымъ. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ замѣтно стремленіе Синода, сообразно съ содержаніемъ книги, отдавать ее для рецензіи специалистамъ. Такъ члену россійской академіи архіеп. Меодію поручались сочиненія филологическаго характера. Нѣсколько

¹⁾ М. Д. Ц., 1806, 8 и 24.

²⁾ Арх. Св. Синода, 1814 г., 319.

книгъ, впрочемъ, самаго разнообразнаго содержанія, было пересмотрѣно м. Амвросіемъ.

Отзывы членовъ Синода нерѣдко излагались устно въ засѣданіи, и будучи весьма краткими, отмѣчали лишь одну двѣ черты. Отсюда, конечно, чаще всего вытекало полное „уваженіе“ Синодомъ мнѣнія цензуры, особенно если она свой отзывъ сопровождала подборомъ выдержекъ изъ сочиненія, „дабы и въ Синодѣ, ежели хотятъ любопытствовать, видѣть оныя могли“ ¹⁾. Зато, съ другой стороны, при бѣгломъ просмотрѣ, одна неточность названія, погрѣшность въ хронологіи, неясность цѣли сочиненія могли рѣшить его судьбу.

Но самая печальная сторона этого сложнаго процесса оцѣнки въ томъ, что Синодъ и прямыми предписаніями ¹⁾, и косвеннымъ образомъ усиливалъ строгость и придирчивость цензуры. Свою точку зрѣнія, можетъ быть вполне соотвѣтствующую высшему церковному авторитету, онъ хотѣлъ сдѣлать единственнымъ угломъ зрѣнія и цензуры. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ нѣкоторыхъ дѣлахъ о цензурѣ книгъ содержится лишь одно журнальное постановленіе Синода безъ отзыва кого-либо изъ членовъ. Такія своего рода синтетическія сужденія а priori иногда ясно освѣщаютъ взглядъ Синода на извѣстный предметъ. Напримѣръ, въ противоположность мнѣнію цензуры относительно переводной книги „Жизнь Мартина Лютера“ Синодъ „изъяснилъ, что онъ въ книжицѣ сей надобности и пользы для Церкви никакой не находитъ“ ²⁾. Есть примѣры и возвращенія Синодомъ въ цензуру книгъ для вторичнаго пересмотра. Интересна въ этомъ отношеніи судьба присланной изъ свѣтской цензуры рукописи „Послѣдованіе Пресвятой Богородицѣ“ ³⁾. Синодомъ она была отослана въ московскую цензуру, — гдѣ удостоилась лестнаго одобренія за благочестивыя чувствованія. При этомъ указывалось, что „жизнь Пр. Дѣвы предложена согласно исторіи, Церковью пріемлемой,—и обстоятельства расположены такъ, какъ требуетъ исторія“.

¹⁾ М. Д. Ц. 1804, 15.

²⁾ Опредѣленія Синод. 1799, 21 дек.; 1801, 12 авг., 1807, 30 сент.

³⁾ Арх. Св. С., 1804, 524.

⁴⁾ Арх. Св. С., 1808, 385.

Желая, вѣроятно, дать урокъ цензурѣ, Синодъ предписалъ ей сдѣлать на основаніи этой книги, сводъ мѣстъ относительно жизни Богородицы и, затѣмъ, „сравнить съ Словомъ Божиимъ, Ч.-Минеями и прологами, и что тогда окажется, представить Св. Синоду“. Такой исторической критики книга выдержать не могла и цензурѣ пришлось уже доказывать, что „упомянутая книга не есть существенно историческая, а больше нравоучительная и притомъ отличная въ своемъ родѣ по простотѣ и ясности, съ которыми она является на руссiйскомъ языкѣ, равно какъ и по основательности нравоучительныхъ правилъ, которыя очень близко подходятъ къ чистой евангельской нравственности и необыкновенному Св. Отцевъ ученію“... Впрочемъ, заключеніе цензуры было преждее, именно: она безъ малѣйшаго сомнѣнія одобряетъ эту книгу, какъ согласную съ ея правилами и излагающую предметъ просто, чисто и ясно.

Между тѣмъ, критерій Св. Синода въ этомъ пунктѣ былъ діаметрально противоположный: оказалось, что „она не имѣетъ въ себѣ ни того достоинства, ни той важности, какія потребны для духовныхъ книгъ и притомъ нѣтъ въ ней никакой нужды, поелику въ Ч.-Минеяхъ находится ясное и подробное изъясненіе житія Пр. Богородицы. Книга была оставлена безъ вниманія, сдана въ синодальный архивъ, и лишь въ послѣдствіи о судьбѣ ея было сообщено цензурному комитету.

Зато въ другихъ случаяхъ, когда цензура чувствовала подъ собою твердую почву, требованіе вторичнаго разсмотрѣнія ея не смущало. Такъ, представленную чрезъ митр. Амвросія книгу „Дѣянія Святыхъ Прав. Церкви“,—моск. духовн. цензура признала „въ своемъ родѣ излишнею, недостаточною, сумнительною, отчасти суевѣрною, и безпорядочною“, сдѣлавъ нѣкоторые комментаріи. Св. Синодъ предписалъ, однако, подвергнуть книгу новому разсмотрѣнію той же цензуры. Последняя, дѣйствительно, вновь ее „наиприлежнѣйше свидѣтельствовала и вторично со всякимъ вниманіемъ разсматривала“, но въ результатѣ—до рѣзкости категорическое заключеніе: „и по вторичномъ разсмотрѣніи сего пустяка книги, на которую, равно и на чтеніе вздору, наполняющаго оную, напрасно потеряно время, цензура къ напечатанію ея

одобренія—дать не можетъ“... Книга возвращена была автору ¹⁾).

Въ такихъ странствованіяхъ книгъ изъ Петербурга въ Москву и обратно проходило не мало времени, въ лучшемъ случаѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Но это, конечно являлось уже естественнымъ результатомъ непосредственной зависимости цензуры отъ Синода.

Такъ какъ московская духовная цензура была непосредственно подчинена Синоду, находилась въ ставропигіальномъ Донскомъ монастырѣ и, наконецъ, состояла обыкновенно изъ лицъ, подвѣдомственныхъ синодальной конторѣ или придворному духовнику, то независимость ея отъ мѣстной епархіальной власти была безспорна. Зато не сразу могъ быть рѣшенъ вопросъ объ отношеніи ея лично къ м. Платону, традиціонному цензору въ московскихъ предѣлахъ. Ему, еще въ 1785 году Синодъ предоставилъ право цензуры всѣхъ книгъ, переведенныхъ или сочиненныхъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ его вѣдомства ²⁾. Въ концѣ того же года на Платона именнымъ указомъ было возложено особенное порученіе „испытать поручика Новикова въ законѣ нашемъ и книги типографіи его освидѣтельствовать: не скрывается ли въ нихъ умствованій, не сходныхъ съ простыми и чистыми правилами вѣры нашей православной и гражданской должности ³⁾).

И, исполняя въ теченіи многихъ лѣтъ, — лично или при помощи служащихъ въ академіи, — цензурныя обязанности, Платонъ привыкъ считать себя довѣреннымъ и вполнѣ законнымъ цензоромъ. Привыкъ онъ и къ праву собственной цензуры: „проповѣди, напр., высокопреосвященнѣйшаго Платона, архіепископа московскаго и калужскаго выходили въ свѣтъ „по его дозволенію“. Зато всякое ограниченіе новыми цензурными учрежденіями его полномочій, хотя бы вытекавшее изъ буквы устава, онъ склоненъ былъ принимать, какъ личную обиду, и протестовалъ.

Еще когда существовали (1796—1802) смѣшанные комитеты изъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, Платонъ готовъ былъ

¹⁾ Арх. Св. С., 1802, 55.

²⁾ Указъ 22 февраля.

³⁾ П. С. Я., т. XXII, 16. 301 и рескриптъ.

уличать ихъ въ притязательности на слишкомъ большую роль. Въ 1801 году онъ жаловался митр. Амвросію: цензура столько предпринимаетъ, что въ одной книгѣ напечатала: „съ дозволенія Святѣйшаго Синода и съ одобренія цензуры“, какъ бы одно дозволеніе Синода не довольно было: да еще кому? Архіепископу Могилевскому. Итакъ мы бѣдные епископы и старики въ своихъ сочиненіяхъ должны ожидать одобренія отъ ребятъ, да еще и лаиковъ (свѣтскихъ) ¹⁾.

И все таки пока дѣйствовали смѣшанные комитеты, вообще пока цензура еще не кристаллизовалась, не было и пререканій Платона, какъ автора и вмѣстѣ цензора, — съ этими инстанціями. Но уставъ о цензурѣ 1804 года уже подробно назвалъ тѣ учрежденія, которымъ предоставлялось право собственной цензуры. О правѣ личной цензуры въ немъ уже нѣтъ рѣчи. А потому, не далѣе, какъ черезъ два мѣсяца, у Платона вышло недоразумѣніе съ свѣтской цензурой. Возвратившись изъ поѣздки въ Кіевъ, митрополитъ хотѣлъ напечатать сто экземпляровъ „Описанія“ этого путешествія въ гражданской типографіи. Но свѣтская цензура потребовала отъ автора опустить или перемѣнить нѣкоторыя выраженія о вѣротерпимости ²⁾ и о злоупотребленіяхъ начальства въ городахъ. Платонъ отвѣтилъ протестомъ, хотя пассивнаго характера. Черезъ викарія Августина онъ отправилъ записку, поручая передать ее цензору Невзорову; „но скажите, добавлялъ онъ, что она ему дается приватно, и кому хочетъ показать можетъ. Но никакъ не съ тѣмъ, чтобы ее вносить въ журналъ, ежели вздумаютъ: ибо она никѣмъ не подписана и потому въ приказный актъ вносима быть не должна. А могутъ они въ журналъ только записать, что я свое сочиненіе въ цензуру отдать не согласенъ; а потому и печатать его болѣе не намѣренъ ³⁾.“ Описаніе путешествія вышло лишь въ 1813 году.

Прекративъ дѣло съ свѣтской цензурой, Платонъ въ самомъ началѣ 1805 года долженъ былъ уже опредѣлять свои отношенія къ цензурѣ духовной, по поводу изданія люби-

¹⁾ Письмо 5 дек., № 72.

²⁾ Она здѣсь трактуется, какъ „новомодный образъ мыслей, чтобы всѣ вѣры смѣшать во-едино и утѣшаться, когда они, яко на театрѣ представляются въ разныхъ, но совокупныхъ явленіяхъ“. (стр. 28—9, изд. 1813).

³⁾ Къ Августину 1804 г., 30 сент.

мага дѣтища Краткой Церковной Россійской исторіи. Не ожидая какихъ либо препятствій, Платонъ прямо отправилъ рукопись къ своему викарію Августину — члену синодальной конторы. „Прошу, писалъ онъ, отъ Св. Синода конторы предписать оную въ синодальной типографіи напечатать... Впрочемъ, честию сана моего свидѣтельствую, что въ сей исторіи ничего не усматриваю я противнаго церкви, правительству и правамъ“. Августинъ объ этомъ порученіи сообщилъ конторѣ, заявивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что и онъ въ названномъ трудѣ митрополита не находитъ препятствій къ изданію

Однако контора уже не рѣшилась принять на себя отвѣтственность за пропускъ исторіи и обратилась за разрѣшеніемъ въ Синодъ. Въ своемъ донесеніи она сгруппировала пять справокъ изъ указовъ. Указы екатерининскаго царствованія относительно цензурныхъ правъ Платона и синодальной конторы она сопоставила съ отмѣнявшими ихъ выдержками изъ положенія 1799 г. и устава 1804 г. Впрочемъ, воспользовавшись неяснымъ выраженіемъ этого устава о нѣкоторыхъ цензурныхъ полномочіяхъ „и епархіальныхъ архіереевъ“, контора ходатайствовала о разрѣшеніи вопроса согласно волѣ митрополита. И Синодъ, очевидно также желавшій рѣшить дѣло мирнымъ путемъ, уважилъ клятву Платона и въ мартѣ разрѣшилъ печатаніе ¹⁾.

Однако Платону не понравился уже самый фактъ обращенія конторы къ Синоду и—кажется—нѣкоторыя предосторожности, принятія послѣднимъ съ цѣлью очистить его Краткую исторію отъ всего соблазнительнаго. Въ томъ же мартѣ онъ послалъ выговоръ Августину. „О напечатаніи исторіи сожалью, что вы представляли въ Синодъ. Меня бы увѣдомить, что другіе не согласуются. Я бы взялъ другія мѣры. Вотъ до чего дошли мы, и монахи и попы; да еще прокуроръ ²⁾, требуетъ перваго листа. На что ему? Что онъ за цензоръ мой? Пожалуйста, до сего не допускайте, а первый листъ берите къ себѣ, а другой присылайте ко мнѣ:—вотъ каковы прокуроры. Сіе то меня выжило изъ конторы и Си-

¹⁾ 1805, 135 Арх. Св. С.

²⁾ Синодальной конторы Н. Яковлевъ.

вода, и въ духовныхъ дѣлахъ мы пастыри, но не мы дѣлаемъ, а Laici (свѣтскіе). Поживите, больше увидите“ ¹⁾.

Съ цѣлью смягчить форму цензурнаго—прокурорскаго надзора, Августинъ посовѣтовалъ митрополиту обратиться къ академіи. Но Платонъ отвѣтилъ: цензуру, когда не можно конторѣ синодальной имѣть, то какъ же училища ей предпочтутся? Я говорю о моей исторіи: дивлюсь, что мое собственное свидѣтельство не уважено“. Печатаніе исторіи однако шло своимъ порядкомъ, хотя негласныя сношенія съ Петербургомъ лицъ, близкихъ къ типографіи, безспорно происходили. По крайней мѣрѣ въ декабрѣ митрополитъ писалъ своему викарію: объ исторіи пишетъ и Меѳодій (Смирновъ), что онъ ее читалъ. Удивляюсь, какъ она до нихъ дошла. Но утѣшился, что она и ему и другимъ, яко то и новгородскому, не показалась быть предосудительною. Я буду ожидать переплетенныхъ книгъ къ будущему воскресенью, а между тѣмъ ихъ не открывать ²⁾.

Впрочемъ, и на этомъ не окончились тревоги перваго нашего церковнаго историка: предъ нимъ всталъ образъ цензуры карательной. „Какъ то примутъ мою исторію, писалъ онъ въ началѣ слѣдующаго года. Я къ Высочайшимъ персонамъ послалъ. Отвѣта нѣтъ. Нѣкоторые въ Москвѣ говорятъ, что Синодъ-де удержитъ выдавать et caet. Я боюсь, чтобы Синоду не дали на разсмотрѣніе“ ³⁾.

Но въ тѣ же дни былъ присланъ рескриптъ имп. Александра, свидѣтельствовавшій, что „исторія сохранить подвиги ревности вашей, между тѣмъ какъ краснорѣчивыя творенія ваши доставятъ потомству тѣ же утѣшенія, которыми услаждали они современниковъ“. Лишь послѣ этого обрадованный митрополитъ, „принося благодареніе Богу, старца милующему“, могъ сказать: „теперь, кажется, нѣтъ сомнѣнія оную выпустить въ свѣтъ“ ⁴⁾. Исторія на этотъ разъ дѣйствительно поступила въ продажу, хотя послѣ кончины Платона была подвергнута двухкратной очисткѣ отъ соблазнительныхъ мнѣній,—послѣдній разъ по суду Филарета ⁵⁾.

¹⁾ Къ Августину, № 26, 19 марта.

²⁾ Письмо къ Августину 4 дек. 1805 г.

³⁾ Письмо къ Августину 7 янв. 1806.

⁴⁾ Письмо 11 янв. 1806 г.

⁵⁾ Арх. Св. С. 1814, 410; Собр. мн. м. Филарета, т. II, №№ 156—160.

Несмотря на всю сложность вопроса о печатаніи исторіи Платона, здѣсь,—можно сказать,—была лишь завязка пререканій митрополита съ духовно-цензурнымъ надзоромъ. Признаніе, хотя бы и сдержанное, со стороны Синода юридическаго значенія свидѣтельства митрополита, побудило его поставить вопросъ ребромъ. Поводъ дала присылка въ декабрѣ 1805 года „калужскаго сочиненія“, т. е. труда епископа Теофилакта калужскаго подъ названіемъ „Врачевство отъ унынія и отчаянія“. Платонъ направилъ его прежнимъ путемъ,—непосредственно въ синодальную контору. Она уклонилась и отослала въ духовную цензуру, что и вызвало такіе упреки митрополита въ письмѣ къ Августину. „Калужское сочиненіе, я слышу, было отослано въ цензуру. Неужели ваше одобреніе въ конторѣ не можетъ уважено быть? Какая еще цензура? Послалъ я къ префекту напечатать одну рѣчь отца ректора Троицкаго. Онъ пишетъ, что безъ цензуры, но и безъ имени. На что имя? Сего и указы не требуютъ. На что цензура? Когда четвертка сама собою видна. Удивительное стѣсненіе или интриги. Я посылаю письмо префекта: не можете ли вы доставить мнѣ сіе удовольствіе, чтобы оную четвертку напечатать,—да и сочиненіе поздравительное напечатано отъ академіи съ цензурою университетскою, а не съ своею, какъ я предписалъ. Я желаю, чтобы отъ нихъ взяли объясненіе, почему они не поступили по предписанію; или, коли сумняся, представили бы. *Omnia susquedeqe feruntur.* (Все дѣлается на выворотъ)“¹⁾. Въ слѣдующемъ письмѣ Платонъ опять вспоминаетъ о цензурномъ вопросѣ, прося поговорить съ членами типографской конторы, почему они не принимаютъ цензуры академической, „и мнѣніе свое, что дѣлать, прошу предложить. Примѣтите, что академія печатала на сторонѣ, однако съ цензурою чужою“²⁾.

Какъ видно, Платонъ теперь обратилъ серьезное вниманіе на отнятіе у академіи права цензуры и въ принципѣ готовъ былъ ходатайствовать за возстановленіе этого права. Но затянувшееся дѣло съ выпускомъ въ свѣтъ Краткой исторіи пока останавливало его. „О цензурѣ нашей я не хочу писать ни къ новгородскому, ни къ оберъ-прокурору. Они не

¹⁾ № 40, 10 декабря 1805 г.

²⁾ № 41, 26 декабря.

силнѣе именнаго указа... Однако, потомъ вмѣстѣ съ рескриптомъ у Платона оживилась энергія: онъ, пользуясь предложеніемъ А. Н. Голицына „относиться къ нему, ежели въ чемъ нужно“,—отнесся въ Петербургъ. Но, вѣроятно, именно дѣло съ церковной исторіей не располагало Синодъ въ пользу подтвержденія права личной цензуры. Платонъ сразу замѣтилъ уклончивое настроеніе. „Оберъ-прокуроръ пишетъ: о цензурѣ онъ де поговорить съ членами, и не разсужу ли я, чтобы онъ доложилъ Государю. Все странно“. Черезъ недѣлю онъ пояснялъ тому же Августину: о цензурѣ сумнительно, чтобы вышло: ибо примѣчается, что всѣ члены, да и оберъ-прокуроръ едва ли на то согласны ¹⁾).

Между тѣмъ, колебанія въ высшихъ сферахъ сразу же отразились на дѣйствіяхъ синодальной типографіи, печатавшей собраніе проповѣдей Платона. „Я, жалуется онъ, доселѣ не дождусь печатныхъ листовъ моихъ проповѣдей. Не опять ли представить въ Синодъ? До рѣшенія дѣла о цензурѣ, примутъ ли цензуру за подписаніемъ моимъ, въ силу синодскаго указа; поговорите и меня увѣдомьте“. Увѣдомленіе было неблагопріятно и вызвало горькія строки обиды (на латинскомъ языкѣ): не спѣшать печатаніемъ нашихъ трудовъ, я знаю для чего: въ ихъ глазахъ мы ничтожны. Вотъ уже и о цензурѣ, ежели выйдетъ отъ меня, сомнѣются. Вотъ до чего мы дожили. Нужно терпѣть и всего ожидать только отъ Бога ²⁾).

Еще нѣсколько мѣсяцевъ длились петербургскія „увертки“, по выраженію Платона, пока дѣло не рѣшилось вопреки желанію митрополита. Post—scriptum письма къ м. Амвросію отъ 6 іюля проникнуть сдержаннымъ упрекомъ: удивительно, что о цензурѣ дѣло затрудняется, и синодальнымъ указомъ данное мнѣ дозволеніе нынѣ отмѣняется. Ужели и то не заслужилъ? Ужели мною рекомендованные цензоры болѣе довѣренности заслужили?... ³⁾).

Волѣ Божіей повинуюсь—такими словами выразилъ Платонъ свое отношеніе къ исходу цензурнаго спора. Но, можно сказать, до самой смерти его благородно-честолюбивый характеръ не въ состояніи былъ примириться съ этимъ исхо-

¹⁾ Письмо къ Августину 25 февр. и 4 марта 1806 г.

²⁾ Письмо къ Августину 4 марта.

³⁾ Письмо Амвросію, 23 іюля 1806 г.

домъ. Вотъ отрывокъ одного изъ послѣднихъ писемъ Платона къ Августину: „Прислалъ ко мнѣ сочиненіе какой то обратившійся очень изрядное. Я подписалъ: отдайте ему, чтобы онъ, коли хочетъ напечатать, отнесся бы. Намъ горе, что нельзя“ ¹⁾..

Увертки, которыми защитники организованнаго „строгаго“ цензурнаго надзора отвѣчали на домогательства Платона, ясно показывали, что они не питали уже довѣрія къ отзывамъ московскаго митрополита. Нельзя сказать, чтобы они не имѣли своихъ основаній. Митр. Платонъ былъ ветеранъ эпохи просвѣщенія и несмотря на нѣкоторыя идіосинкразіи, оставался просвѣщеннымъ до конца. На сколько его взгляды не совпадали съ критеріями московской цензуры—лучше всего видно изъ различія отзывовъ объ одной и той же книгѣ „О внѣшнемъ богослуженіи“, свящ. І. Полубенскаго ²⁾. Приведемъ нѣсколько тезисовъ изъ этого труда, чтобы ознакомиться, подъ чѣмъ подписывался м. Платонъ.

„Возьмемъ, приглашаетъ въ введеніи авторъ, всѣ книги о системѣ натуры, о деизмѣ и проч. и проч. Подойдемъ и рассмотримъ вблизи подробно сей философическій „террибль“, безъ всякаго опасенія, по извѣстному правилу Государя Петра Великаго: Чѣмъ ближе къ пушкамъ, тѣмъ меньше вреда и опасности отъ нихъ“ ³⁾.

„Души ученыхъ, заявляетъ авторъ, впадшихъ въ томленіе невѣрствія, заслуживаютъ нелестное мое состраданіе и весьма трогаютъ чувствительность сердца моего... Они вещи нѣжнѣе понимаютъ, и ихъ все сильнѣе трогаетъ, нежели грубѣйшаго образа души. Рѣшимый раскольникъ, послѣ великаго злодѣянія, вскорѣ потомъ крестится и творить молитву, хотя отъ нечистой совѣсти, и не робѣя говорить женѣ: „Дура. вить умолю“. Но душа ученаго... какъ птичка, пойманная въ клѣтку, повсюду ищетъ себѣ выхода...; переходя изъ системы въ систему, тайно мучается, несмотря на видимую веселообразность ⁴⁾.

Объясняя причины успѣха антирелигіозныхъ теченій, авторъ имѣетъ силу сознаться: силу и успѣхъ не имъ при-

¹⁾ къ Августину 12 сент. 1809 г.

²⁾ вли Петрова.

³⁾ *op. cit.*, изд. 1803, т. I, стр. 36.

⁴⁾ стр. 58.

писывать должно, а больше нашей неисправности, которая чѣмъ больше, тѣмъ сильнѣе наступаютъ на насъ противники... И потому... примемъ за правило... изреченіе Сигизмунда Аветрійскаго: они худо о насъ говорятъ, но и мы не хорошо дѣлаемъ.

Вообще, широкое знакомство какъ съ ученіемъ христіанскимъ, такъ и съ свѣтскою литературою, въ соединеніи съ природнымъ остроуміемъ и наблюдательностью,—вызвали въ Петровѣ дерзновеніе искренняго убѣжденія. Вотъ одинъ изъ афоризмовъ его „о силѣ и существенной важности доказательства особливо въ дѣлахъ вѣры“. „Есть, разсуждаетъ онъ, доказательства и такія, которыя отъ одного только прикосновенія къ нимъ твердѣйшихъ предъ ними разрушаются... какъ на Волгѣ барки съ яйцами боятся толкнуться съ желѣзными барками, для предупрежденія чего лоцманамъ сихъ даютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ подарки“ ¹⁾...

„Дай Богъ намъ имѣть такую духа свободу“—отозвался м. Платонъ по прочтеніи I т. этой книги. А духовная цензура ея „не пропустила“ ²⁾.

Duobus litigantibus, tertius gaudet,—этого результата не лишень изложенный споръ о цензурѣ: авторамъ духовныхъ произведеній неопредѣленность положенія была выгодна. Исключительныя права московской духовной цензуры, находившіяся подъ сомнѣніемъ до устава 1804 года, оставались, благодаря между прочимъ, этимъ пререканіямъ, спорными и далѣе. Выдвинутое, кромѣ того, Платономъ право академіи на самостоятельную цензуру уже черезъ годъ было признано въ проектѣ устава духовно-учебныхъ заведеній. А это послѣднее обстоятельство, было началомъ конца московской духовной цензуры.

Выше отмѣчены тѣ анахронизмы, которые внесены въ положеніе о московской цензурѣ, и та неопредѣленность и ненормальность, которою отличались всѣ ея отношенія. Стоитъ принять ихъ во вниманіе,—и дѣлается ясною главная причина ея мертворожденности: организациі, неприспособленной къ окружающей ихъ средѣ, утверждаетъ законъ жизни, погибають...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ал. Котовичъ.

¹⁾ стр. 300.

²⁾ Письмо къ Амвросію 1803, 6 дек.